

ляется бескомпромиссным характером сатирического прогнозирования, цель которого — заставить героя совершить все, что до времени он «не умел» или «не смел» [1, т. 8, с. 189].

В качестве инструментов исследования действительности образы-перифразы разработаны Щедриным особенно детально и прослежены в разные периоды общественно-политической жизни страны. В 70—80-е годы прошлого столетия в центре внимания русской общественности стояла проблема «среднего человека» как непосредственного связующего звена между властью и народом. Мелкий чиновник, исполнитель и проводник идей «дирижирующих» слоев общества, стал предметом исследования сатирика. Именно коллективный, «стадный» герой интересовал Щедрина, поскольку на иерархической лестнице он ближе всего стоял к «человеку лебеды». Салтыков ясно видел и понимал, какая огромная пропасть, созданная табелью о рангах, отделяет Молчалина от «маленького человека». Однако именно это и становилось целью серьезнейшего изучения: как, каким образом жизненные обстоятельства влияют на формирование мировоззрения, характера и поступков «толпы», вышедшей из почти такой же безвестности, в какой пребывал «человек лебеды».

Исследуя социальную психологию и мотивы поведения Молчалина и Глумова, испытывающих на себе влияние среды, Щедрин идет не от общего к частному, но, напротив, выводит закономерное из особенностей индивидуального. Так, если Загорецкий или Перерепенко для сатирика — прежде всего носители наиболее характерных черт своего класса, призраки, то образы-перифразы схвачены в своей индивидуальной сущности в момент осознанного отношения к среде. Когда же логика повествования подсказывает, что это отношение не идет дальше сознательного поддержания устоев среды, человеческая природа героев перестает играть сколько-нибудь значительную роль, и Щедрин одним росчерком пера переводит их в разряд призраков. Свое назначение как инструменты исследования действительности они выполнили: психология класса высветилась изнутри, через анализ типичных его представителей.

Углубленный психологизм в подходе к изображению Молчалина и Глумова в той или иной степени *менял представление об этих героях*, сложившееся из концепции материнских произведений. Например, Молчалин в грибоедовском варианте — существо в высшей степени примитивное, все поступки и побуждения которого определены его классовым чутьем. Недаром И. А. Гончаров в критическом этюде «Мильон терзаний» не смог дать Молчалину сколько-нибудь подробной характеристики, ибо Грибоедов не наделил своего героя ни одной чертой, могущей получить развитие в будущем, если не иметь в виду таких качеств, как низкопоклонство, делячество, «умеренность и аккуратность», говорить же об этих последних — значило бы повторять Грибоедова, с великолепной иронией их высмеявшего и указавшего на типичность тех, «кто на всех глушцов похож...».

Щедрин пересматривает эту традицию, «сквозь наносную кору молчалинства» различая черты «подлинно человеческого образа» [1, т. 12, с. 106]. Такого рода переосмысление имело для Щедрина свою глубокую внутреннюю мотивировку: целью его было показать, как обыкновенные люди калят себя приспособлением к «порядку вещей», сознательно ограждаясь от участия в «негодованиях и протестах жизни». Но рядом с Молчалиным сатирик рисует его детей, избравших другую жизненную дорогу, словно подтверждая этим примером, что из когорты «средних» могут и должны выходить достойные люди, навсегда порвавшие с «умеренной» мудростью тех, кому имя «и другие».

Более сложным представляется отношение Щедрина к Глумову. В комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» этот образ уже был осмыслен не только в качестве объекта среды, но и в психологическом аспекте. Однако аспект этот явился у драматурга вторым, до-